

О формализованном описании башкирского стиха [Текст] / А. А. Галлямов, С. Ю. Данилин, Б. В. Орехов // Профессор Джалиль Гиниятович Киекбаев и его вклад в развитие урало-алтайской и тюркской филологии. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения известного башкирского ученого-тюрколога, писателя и общественного деятеля Дж.Г. Киекбаева. — Уфа: ООО «Издательство „Диалог“», 2011. — С. 328—331.

УДК 80

Галлямов А.А., Данилин С.Ю., Орехов Б.В.

О ФОРМАЛИЗОВАННОМ ОПИСАНИИ БАШКИРСКОГО СТИХА

Стиховедение как самостоятельная наука со своим набором методов и терминологическим базисом появилась не очень давно и в оформившемся виде связывается прежде всего с именем М.Л. Гаспарова. Две его монументальные книги очерков истории русского и европейского стиха [1; 2] задали стандарты и ориентиры развития всей дисциплины. С тех пор прошло несколько десятилетий и для описания русского стиха сделано довольно много. Однако стиховедение «в гаспаровском духе» до сих пор, по большому счёту, остаётся русской наукой о русском стихе. Попытки описания в апробированной методике итальянского, английского и т. д. стиха следует считать, скорее, эпизодическими в общем потоке публикаций по этой тематике.

В настоящем тексте мы предлагаем своё видение башкирского стиховедения: науки численного описания башкирского силлабического стиха, построенной на принципах, выработанных для русского стиха М.Л. Гаспаровым.

Основопологающей статьёй, специально посвящённой именно вопросам организации башкирского стиха стала опубликованная в 1959 г. работа Г.Б. Хусаинова «О башкирском стихосложении», в которой он ставит задачу: «В будущем [...] особенности башкирского стихосложения нуждаются в более детальном изучении на конкретном материале современной поэзии и на основе анализа поэтических памятников» [4, 97]. Опыт русского стихосложения показывает, что изучение это должно вестись с привлечением статистических методов, максимально дистанцированных от импрессионистических комментариев и оценок «на глаз».

Это ставит перед современной башкирской филологией необходимость сплошного анализа стиха, рифменного строя и лексического состава башкирской поэзии в её исторической динамике, а компьютерные мощности делают эту задачу не просто реальной, но и осуществимой в обозримые сроки. Современная наука уже не может доверять экспертным оценкам, вроде того, что «в произведениях Г. Тукая и М. Гафури часто встречаются шестнадцатисложные стихотворные строфы с цезурой

после восьмого слога» [4, 87]. Важно знать, сколько таких строк в творчестве этих поэтов, их современников и последователей, не чаще ли они писали, например, двенадцатисложником и как эти стиховые формы распределены на временной оси. Данный подход позволит решить проблему определения типа башкирского стихосложения, сформулированную Г.Б. Хусаиновым, на основе статистически значимых данных и обосновать правомерность или неправомерность употребления терминов «силлабический», «силлабо-тонический» и «тонический» в отношении башкирского стиха.

Если ориентироваться на слог как ключевую единицу башкирского стиха, то задача формального описания башкирской метрики многократно упрощается. По сравнению с русской метрикой, в которой релевантно соотношение ударных и безударных слогов, регулярность их появления в строке, силлабическая система предполагает не качественную, а количественную слоговую характеристику строки. В данном случае мы исходим из предположения, что башкирское стихосложение является преимущественно силлабическим, о чем заявлял тот же Г.Б. Хусаинов в цитированной статье: «Исходя из фонетических и грамматических особенностей башкирского языка, относящегося генеалогически к числу тюркских, а морфологически – к числу агглютинативных языков можно уверенно сказать, что башкирское стихосложение по своему характеру относится к силлабической системе стихосложения» [4, 86].

Так, к примеру, в стихах Мустая Карима 1930-1960-х годов (нами был проанализирован материал объёмом примерно в 6500 стихотворных строк) мы находим самым частотным размером девятисложник: около 21,5% всего объёма корпуса. Следом за ним идут десяти- и восьмисложные строки: 18% и 17,2% стихов соответственно. Во второй по частотности группе размеров обнаруживаются одиннадцати- и семисложные строки: 11,2% и 9,2%. Короткие четырёх-, пяти- и шестисложные строки насчитывают по 5,5%, 4,6%, 4,8% соответственно. Не пользуется расположением М. Карима двенадцатисложник (3,6%), а доля тринадцатисложных и более строк — исчезающе мала (менее процента в общей сложности).

Такое описание необходимо составить для всего корпуса башкирской поэзии. В статье «Как писать историю литературы» тот же М.Л. Гаспаров отмечал: «О программе такого рода очень легко сказать: это неосуществимо. Но уверяю, если бы я перечислил все, что нужно было подсчитать, чтобы написать обоснованную историю русского стиха, всякий тоже сказал бы: это неосуществимо. Однако стиховеды, и не столь уж многочисленные, это сделали. А сейчас, с компьютерными средствами, такие вещи делаются в несколько раз быстрее: спросите у лингвистов» [3]. Действительно, изложенные выше подсчёты сделаны нами в лаборатории компьютерной филологии БашГУ в совсем краткие сроки.

Но достаточно ли этого? Действительно ли, например, две такие строки, как
Һезең тэзрәгез турынан.

и

Эгәр Акыл була икән

представляют одну и ту же ритмическую форму?

Ответ здесь предполагается скорее отрицательный. В силлабической системе присутствует ещё один важный параметр, определяющий ритмический рисунок стиха — это цезура, то есть словораздел. Само присутствие цезуры в силлабическом стихе

предполагает деление стиха на доли, что заставляет задуматься о возможности существования в рамках силлабической системы такого стихотворного явления, как паузник. Так, в приведенных выше примерах деление стиха присутствует только во втором. Несомненно, что все это требует дальнейших экспериментальных изысканий. Наложение словораздела на силлабическую строку и составляет её ритмическое своеобразие, которое, по счастью, тоже может быть достаточно легко формализовано и описано в числовом эквиваленте. Подсчёты такого рода — дело ближайшего будущего.

«Все предположенное — это, конечно, еще не история русской литературы, — пишет далее в своей статье М. Л. Гаспаров. — Но без этой каторжной описи не существует никакая другая история литературы, потому что в ней, в этой описи, — вся специфика литературного материала. Без нее история литературы будет, как и до сих пор была, лишь временно исполняющей обязанности истории литературы — филиалом истории идей, настроений, вкусов и всего прочего, что скучно перечислять».

Итак, программа формализованного описания башкирской поэзии может быть описана следующим образом.

Во-первых, необходимо сквозное обследование стиха с учётом количественных показаний в слогах и местоположении цезуры в строке. Получившиеся результаты должны быть представлены как в статически-частотном (какой размер в башкирской поэзии самый популярный?), так и в динамическом планах (как растёт и падает востребованность тех или иных ритмических форм?). Это позволит ответить на вопрос о ритмических влияниях поэтов друг на друга, да и вообще выяснить, как динамика использования размеров в башкирской поэзии зависит от периодов или имеет свою независимую историю в эволюции каждого отдельного поэта. А это уже даст серьёзные основания для размышлений о тенденциях в башкирском литературном процессе. В рамках этого же исследования должны быть прослежены допустимые отклонения от соразмерности строк в пределах одного стихотворения. У того же Карима мы наблюдаем как строгий изосиллабизм, так и очень вольные формы:

12 Кеше көслө. Кулда тотта олонон ул

8 Был йыһандың. Кеше көслө.

10 Бер һелкәтһә, тупылдашып йондоз

3 Койолор,

8 Ағастағы алма төслө...

Г. Б. Хусаинов отмечает: «В башкирском стихосложении иногда встречаются ритмические единицы, чередующиеся с математической точностью» (4, 91). Иными словами, это, как можно предположить, воспроизведённые внутри силлабики стилизации силлабо-тонических форм. В условиях неизбежного влияния русскоязычной поэзии это вполне естественно. Необходимо количественно определить масштабы этого явления. С учётом фиксированности башкирского ударения эта задача также не представляется чрезмерно сложной, хотя в ряде случаев нужно учитывать, что ударение в башкирском языке не всегда падает на последний слог. А это ставит задачу выявления в составе башкирского поэтического корпуса всех такого рода случаев и осмысления их в рамках исследования башкирского стиха.

Во-вторых, необходимо задаться вопросом, соотносимы ли статистически башкирские поэтические размеры и используемая в них лексика, определяющая стиль, образность и тематику произведений? Возможно, удастся таким образом

обнаружить какие-то аналоги «семантического ореола метра» в башкирской поэзии? И тем самым дать количественное обоснование классификации жанров башкирской поэзии.

В-третьих, требуется доскональное количественное исследование рифмы и всех их форм, существующих в настоящее время в башкирской поэзии. Определить частотность тех или иных рифм (какие рифменные пары в башкирской поэзии наиболее востребованы в те или иные периоды развития поэзии), выявить частотность «рифменной лексики» (какие слова чаще всего оказываются в рифменной позиции) и частотное соотношение типов рифм (опоясывающая, перекрёстная, сдвоенная) между собой.

В-четвертых, стоит задача исследования поэтической лексики. Это позволит установить количественные объёмы башкирского поэтического словаря, выявить частотные слова («поэтизмы»), построить динамику использования тех или иных лексем по периодам, а также определить излюбленные конкретными поэтами слова, то есть «ключевые слова» их языковой личности и концептосферы.

В-пятых, одной из насущных задач является создание вероятностных моделей силлабического, силлабо-тонического и тонического стиха, что позволит определить место башкирского стиха в системе известных типов стихосложения. Здесь же необходимо провести сопоставительный анализ метрики стиха с другими типами силлабического, силлабо-тонического и тонического стихосложения, развившимися на базе языков иной типологической структуры. Например, сравнить башкирский стих с силлабическими системами французской и польской поэзии.

Эти масштабные задачи ставит перед собой лаборатория компьютерной филологии БашГУ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. — М.: Наука, 1984. — 319 с.
2. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. — М.: Наука, 1989. — 302 с.
3. Гаспаров М. Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. — 2003. — №59. — С. 142—146.
4. Хусаинов Г. Б. К вопросу о башкирском стихосложении // Вопросы башкирской филологии. — М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 85-97.

© А. А. Галлямов, С. Ю. Данилин, Б. В. Орехов, 2011